

Это было давно: дополнительные материалы

Здесь мы собрали некоторые материалы, не вошедшие в экскурсию, а также включили наводки по источникам для дальнейшего чтения, которые помогут расширить понимание исторического контекста.

Дальнейшее чтение: культура и повседневность Советского Союза в 1930-е

1. Н. Лебина. **Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю**
2. И. Орлов. **Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления**
3. В. Паперный. **Культура два**
4. Д. Л. Хоффман. **Возвращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939**

Дальнейшее чтение: исторический контекст периода репрессий

1. Н. Верт. **Тerror и беспорядок. Сталинизм как система**
2. Р. Конквест. **Большой террор**
3. В. Хаустов, Л. Самуэльсон. **Сталин, НКВД и репрессии 1936 – 1938 гг.**
4. Э. Эпплбаум. **ГУЛАГ: Паутина Большого террора.**
5. G. Alexopoulos. **Stalin and the Politics of Kinship: Practices of Collective Punishment, 1920s – 1940s**

Нина Михайловна Моторина

Фотографии с сайта Мемориального кладбища «Сандормох»

Дочери Нины - Нора, Таня, Нина Матронины
24.05.1934

28 марта. Здравствуйте дорогие папочка
и Норочка. Как вы поживаете.
И я устроилась хорошо. Деда
Деда и бабушки похоронили, угодив-
шись сами. И осталась одна. Поми-
ла в сельсовет. ~~Нема~~ и определили ме-
ня в Ораниенбаум в детский дом.
Кормят хорошо утром гай сладкий
по кусочку хлеба жареного и куко-
гии булки. В обед первое и второе.
Вечером сладкий гай и наша кусо-
чек хлеба. Но кажется все описано.
Неплохо скучала по вам так бы
и полетела к вам. Дорогая
Норочка пиши мне письма и я
тебе буду писать.
Адрес мой.
Город Ораниенбаум, максимова
дома красная свобода детский
дом группа Пашковы Ивановки.

Письмо дочери Татьяны из
детского дома

Это всем 8 мая раза поздравлять
Антина от вас ~~не~~ будем и не
того что забыл что не пишешь
да и мама то же; я совсем об
тебя ничего не забыл, но мне нужно
все время знать что теперь ты
ты не уединяешься так я поговорил
все здорово перешла к новой про-
фессии и окончила.

Пиши мне и дари все
свои любви.

Я опять сплю и мама пишет.
P.S.: Меня писала Хелена, не забыва-
йте, я уже разучилась писать
маж, как я бы хотела и думала.
Члены группы пишут дружески

Люблю тебя всему
Сердцем твоим.

А все такие в Поморье наслаждай-
тесь и все увлекайтесь.
Антич. Члены группы.
Родив, ^{рассказывая} не забуду
запись от ^{напоминания} кому

19²⁷ 37г.
Бывший родной Никрика, хотя я и не
получаю от тебя писем, но все же пишу
тебе; последнее я писал из Соловецкого
острова, где мы пишем это письмо
из П-да 11 часов, я на него тебе отвеча-
ла и вот уже скоро 2 месяца будем
как от тебя ничего нет, меня это
сильно волнует. Как то ты устро-
ился? тебе передано срочно письмо
и пришло и памятничество а
малое Степанко забыл сколько
на твою голову, я вчера
пишу тебе письма, что ты там
уже на будущий забыл меня и не по-
сыпал письмо а то ведь и забы-
л ли, это тоже тебе не хватит,
я уже как будто предчувствую кому
запись срочно в чью погребальную
закреется, Меня очень беспокоит
как то Нарушка? будешь ли она
тебя уничтожить? вернее уничтожи?

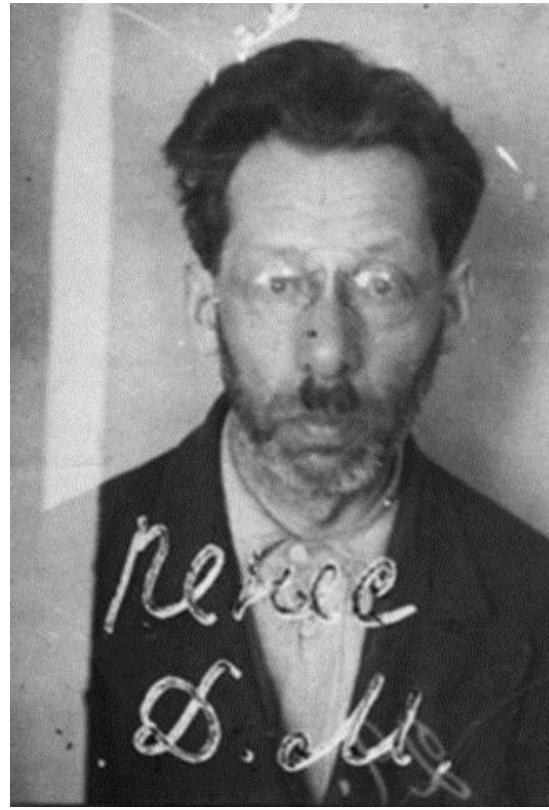
Письмо Нины
Моториной с
Соловков бывшему
мужу Николаю
Коккину

бего усе занятое багажем, и въз-
мешъ ли ты их от дедушек.
И так ишо думено въс, гово-
рюю, что сонгу с'чуда. Не
знаешь ли ты же мой племя?
И часто вспоминаю вас и все
Калужское & вас никога никому
неуважу, не забываю. мы ишо
и не умели так скрои лепи зд-
будут свою маму, & так
горяко плачу не могу писать
всегда же мое письмо, & такая
негасимая все так здраво и
скучно без лепки, лучше бы их
во все не было, и ишь то без
меня скверно, сама я лепка
также искренно об них заботлюсь
и безумно их любить & дарить
Они без меня каку нибудь
в тишине, или любимики
невинные панютки. Сии
ты их возьмешь к себе
и будут ишо беспокойство из
и бего усе ишо не могу соп-

товарищ т.и. не знал какое условие осталось
им лучше, тогда самому виднее, и я
знаю что их не обманут а наилучшим
всю любовь и заботы на них б
мне отсутствии. Работают и заботы
для них они ведь не вини не вини
бани. Напоминаю им обо всем
чтобы знают, что у них есть еще
один, который лучше обеща
за них, который любит и ценит
их забот и заботы за них. Учтите
что делаете это тоже важно
У них будет без напрасы, а это
очень важно в жизни, если, по-
том они расстут без напрасы совсем
зряче! Люди их не обманут, я
так спрашиваю вы же ~~не~~ ~~не~~ Год
что если их скажу всем.

Сейчас следят осенние дни
всегда, сколько угодно, работают
все время, без дела не сидят,
однако у меня есть я считаю и
здорова, поэтому все мне не
хвастаю. Ты же мне скаже

Роза Яковлевна Мительман

Роза Мительман и ее муж Дмитрий Пинес

О Розе Яковлевне Мительман в мемуарной литературе воспоминания очень краткие - буквально несколько строк: в статье К.Н. Бугаевой "Последние дни Андрея Белого (дек. 1933-янв. 1934г.)"; в книге Н.И. Гаген-Торн "Мемория/сост., профил.... Г.Ю. Гаген-Торн - М.: Возвращение, 1994-415с. (стр.42).

Я Турандина Индира Александровна - дочь племянницы Розы Яковлевны - бывшей Владимира Мительман, могу поделиться, тоже, к сожалению, очень краткими воспоминаниями, которые слышала от своей мамы.

Роза Яковлевна была последним ребенком в семье Мительман, которая владела в Саратове магазином, где продавали тюли военное обмундирование, то ли принадлежности к этому обмундированию. У них было 14 детей - 13 мальчиков и одна девочка, Роза. Все мальчики научили высшее образование еще до революции.

Роза Яковлевна поступила (тогда до революции) на медицинский факультет института, название которого не помню, т.к. после революции он был закрыт. На юридическом факультете этого института учился ее будущий муж Дмитрий Михайлович Пинес.

После окончания института она работала в детской больнице им. Раухфуса первым на кафедре пропедевтики детских болезней, возглавляемой проф. А.Ф. Туров (последующий академик). Вроде бы она была кандидатом медицинских наук и имела ряд публикаций, но в этом мой мама уверена как-то склоняется.

В машинной семье Розу очень любили и искущали Дмитрий Михайлович, который, как счи считали, не имел постоянной работы и "сидел на чьем счету". Всуподтал и за то, что он не хотел иметь детей, чтобы не быть связанным с высказыванием своих политических взглядов.

Но для моей мамы Дмитрий Михайлович был самым свет-
лом и правдивым человеком и, несмотря на различие взглядов
(мама увлекалась историей всех революций и биографиями
революционеров), она его очень любила за обширность знаний,
за любовь к книгам (после ареста его ограниченная домашняя
библиотека была конфискована, а больше у него ничего не было),
за увлекательные рассказы о Блоке, Иванове-Ризунчике и других
поэтах и литераторах, которых он знал много.

(Синяя об.)

Воспоминания Турандиной Л. А. о Мительман Р. Я., написанные 08.09.2015

В 1937 году Дмитрий Михайлович был в ссылке в Архангельске. Роза Яковлевна летом собиралась его навестить. Родные она говорила, что за ней следят, по памяти ходят какие-то тениевые фигуры, что ей снятся ужасные сны - будто за ней гоняются черные собаки, что она старается не навешивать родственников из опасения повредить им. Родные на фамилии ее рассказали подслушивали.

Арестовали Розу Яковлевну в Архангельске, обвинив ее в том, что она была связной между Москвой, Ленинградом и Архангельском и участвовала в заговоре контрреволюционеров с целью убийства Ставшина, Молотова... Группу литераторов, в том числе Дмитрия Михайловича и приехавшую его навестить Розу Яковлевну, расстреляли по приговору 16 октября 1937 года.

В семье мамы был страх - естественно, навсегда. Никогда краинского не писали, и было, что знаменительно для того времени - когда родные получили известие об осуждении Розы Яковлевны и ее мужа Дмитрия Михайловича на "всем без права переписки", те несмотря на скорбь, все были уверены: ни за что не посадят. Никто даже представить себе не мог, что правоохранительные органы советской страны могут быть репрессивными по отношению к мирным и честным людям.

Известный от осужденных родные надежды много лет. Не переставали надеяться, что они живы.

Когда маме в 90-х годах представитель бывшего дома, приехавший к нам, зажигал бумагу о расстреле Розы Яковлевны в октябре 1937 года, моей маме стало плохо.

Туратчина Л.А.
8 сент. 2015г.

P.S. Я еще слышала от мамы, что проф. А.Р. Гур пытался защищать Р.Я. Митчеллан от необоснованных обвинений и преследований, но все это бесполезно. Впоследствии вероятно, Т.К он предоставил работу "брата народа", также что вынесли из третьи, и уже после войны (1950) привели в своем исполнении облаганного адвокатом А.А. Фролова.

Отрывок из мемуаров Нины Гаген-Торн с упоминанием Розы Мительман:

«Как камень в глубокую воду, канул Пинес в лагеря и без вести пропал там. Мало кто знает теперь об этом человеке, и я должна рассказать все, что помню, потому что это был настоящий человек. Ему было в то время лет тридцать. Высокий, угловатый, очень худой. Поблескивало пенсне на подвижном лице. Вдруг освещала лицо улыбка и опять пропадала. Он становился сосредоточен. **Жена его, Роза Яковлевна Мительман, приветливая светловолосая женщина, ласково подтрунивала над его рассеянностью, над вечным желанием кому-то помочь, доставить радость.** Они жили на 6-й Советской, в первом этаже. Вход со двора был низок, а выходившие на улицу окна поднимались почти до второго этажа. Стоя на мостовой, можно было увидеть густоволосую голову, склоненную над столом...»

Лидия Корнеевна Чуковская

Отрывок из автобиографии писательницы:

«Летом 1926 года, студенткой второго курса, я была арестована. Мне вменялось в вину составление одной антисоветской листовки. Повод заподозрить себя я подала, хотя на самом деле никакого касательства к этой листовке не имела. Приговор: три года административной ссылки в Саратов, однако благодаря заступничеству моего отца я пробыла в Саратове всего одиннадцать месяцев.

В 1928 году я поступила на работу в Ленинградское Отделение Детиздата, главою которого был в то время С. Я. Маршак — поэт, редактор, переводчик...»

«В 1929-м я вышла замуж за Ц. С. Вольпе, историка литературы; в 1931-м родила дочь Елену, в 1933-м разошлась с Ц. С. и через некоторое время вышла замуж за М. П. Бронштейна – физика-теоретика, сотрудника Физико-технического Института, доцента Ленинградского Университета, автора многих научных трудов, вскоре получившего степень доктора. Кроме чисто научной деятельности М. П. Бронштейн занимался и популяризацией науки.

Вскоре после убийства Кирова, в начале 1935 года, меня вызвали в «органы» и потребовали, чтобы я, в уплату за досрочное освобождение из ссылки, сделалась сотрудникей НКВД. Несмотря на длительный допрос, брань, угрозы, мне удалось устоять: меня не били...»

«В августе 1937 года арестован М. П. Бронштейн. В сентябре — арестованы мои близкие друзья, члены редакции Маршака, а кто не арестован, тот, как и я, уволен. За Бронштейна вступились крупные ученые того времени — И. Е. Тамм, В. А. Фок, Л. И. Мандельштам, С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, а также литераторы: Маршак и Чуковский. **Однако все усилия не только помочь Бронштейну, но хоть что-нибудь разузнать о его судьбе успехом не увенчались.**

Осенью 1938 года я начала часто встречаться с **Анной Андреевной Ахматовой**. Колеблясь между страхом обыска и необходимостью записывать каждое ее слово, я начала вести дневник наших встреч. Разговоры я записывала, стихи, творимые ею, запоминала наизусть (в том числе «Реквием»)...»

«Зимою 39/40 года по свежим следам событий я написала повесть «**Софья Петровна**». Единственный экземпляр сохранили, с риском для жизни, мои друзья. В 1965 году повесть с большими искажениями вышла в свет в Париже, в 1966-м (почти без искажений) — в США. Она переведена на многие языки мира, но в Советском Союзе ее не публиковали. Только теперь (сентябрь 1987) появилась надежда, что повесть будет, наконец, напечатана на родине.

Во второй моей повести «**Спуск под воду**», написанной в 1951-1957 годах, рассказывается о «борьбе с космополитизмом» (то есть об организованной властью вспышке антисемитизма), а также снова о терроре 30-х годов. Повесть тоже вышла только на западе, а в Советском Союзе — нет.

В 1940 году мне удалось добиться свидания с начальником КГБ Ленинградской области, ставленником Берии, Гоглидзе. **Он подтвердил мои предположения, что М. П. Бронштейн погиб...»**

«С начала шестидесятых и в семидесятые годы вместе с другими представителями интеллигенции, писателями и учеными (Ф. Вигдорова, Л. Копелев, А Якобсон, Л. Богораз, А Солженицын, А Д Сахаров, В. Войнович, В. Корнилов, Г. Владимов и др.) я постоянно выступала против беззаконий, творимых властью. (Этот период моей работы и жизни отражен в сборнике «Открытое слово» и других книгах.) В 1972 году в журнале «Семья и Школа» было оборвано печатание моих воспоминаний об отце, скончавшемся в 1969-м. 9 января 1974 года меня исключили из Союза Писателей: мне ставили в вину публикацию книг и статей за границей, радиопередачи по «Би-Би-Си», «Голосу Америки» и «Немецкой волне», а главное — статью «Гнев народа» — ту, в которой я открыто возмущалась организованной травлей Пастернака, Солженицына и Сахарова...»

Лидия Чуковская и Матвей Бронштейн

Текст, написанный самой Лидией о Матвее

Бронштейне для тома Ленинградского мартиролога:

МАТВЕЙ ПЕТРОВИЧ БРОНШТЕЙН

Физик-теоретик, астрофизик; старший сотрудник Физико-Технического Института в Ленинграде; доцент Ленинградского Университета; сотрудник Пулковской Обсерватории.

Доктор физико-математических наук.

Автор многих научных работ, печатавшихся в Советском Союзе и за границей.

Автор многих научно-популярных статей для широкой публики и трёх научно-художественных книг для подростков.

С ордером на его арест к нам, в Ленинграде, по адресу: Загородный проспект, д. 11/40 – агенты НКВД явились в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года. Бронштейна они не застали: он в это время гостил у родителей в Киеве.

Арестовали его в Киеве в ночь с 5-го на 6 августа 1937-го. Привезли в Ленинград 14 августа; поместили в Дом Предварительного Заключения на ул. Воинова, 25 (Шпалерная).

Приговор к расстрелу был вынесен 18 февраля 1938 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством т. Матулевича и приведён в исполнение через несколько минут.

Приходили на Загородный с ордером на арест, но я вовремя убежала.

Присутствовать при конфискации был приглашён мой отец. Вывезли всё, вплоть до игрушек моей дочери. М. П. Бронштейн был реабилитирован «за отсутствием состава преступления» в 1957 году.

<...>

Л. Чуковская,
Москва, 15 апреля 1995 г.

Елена Андреевна Одинцова

Елена Одинцова и её муж Кирилл Одинцов

Елена Одинцова с мужем
Кириллом и дочерью Ириной

Из интервью дочери Елены, Ирины (2018 год, интервью беру представительницы Фонда Иофе):

«Дело все в том, что нам сказали, и мы все верили, 10 лет без права переписки. Бабушка моя все ждала своих детей. У нее же, смотрите, сына, дочь и мужа. Она тоже верила. Она, она мне говорила: «Ну, я все думаю, что, может быть, за счет возраста, они молодые, может быть они выживут, потому что они очень способные». **Мама моя очень хорошо шила. И помню, даже папа мне говорил: «Ну мамочка, может быть, будет обшивать работников этих энкавэдэшных жен, и таким образом сохранят ей жизнь».** Она очень талантливая была, она шила, и ей вот дома, еще до ареста женщинам, которые ей просто целовали руки, при мне, потому что так она хорошо шила вещи.

Ну вот. И тогда она... И бабушка верила. И бабушка все ждала. Ну а когда уже пришли документы... **А я все хлопотала, что они, пыталась доказать, что они, снять с них вины, так как они невиновны, но я не знала, что они расстреляны, я все думала, что вот-вот их отпустят, и 10 лет терпеливо ждали.** Ну а потом, уже потом когда начала хлопотать, и когда уже не стало, когда уже правительство поменялось, и уже Хрущев появился, и уже потепление началось, то тогда уже нам стали вручать документы официально, но писали, что «реабилитированы посмертно», но не писали, что расстреляны.

Тогда я пыталась узнать, как они умерли и когда, тогда мне стали вручать документы, что, например, мама умерла от цирроза печени, мне написали, у меня два документа: расстрел и такое. А дядя там умер от... что-то воспаление легких или что-то такое. Дедушка тоже от чего-то, что-то с мозгом. Вот так.

Придумывали всякие причины. Ну, а со временем нам настоящие документы выдали, что там расстрел. Ну, вот так вот. Сначала мы по своей дурости все-таки рассчитывали, что они, может быть, за счет своего возраста живы, маме 28, маминому брату 31, дедушке было 65. Они еще могли бы жить. Вот так...»

Дополнительные материалы, связанные с героинями экскурсии

Интервью с дочерью Нины Михайловны Моториной, Ниной:
<https://ls.mapofmemory.org/document/eb3codd48d46abc53c3d9a4431620c6c#>

Интервью с дочерью Елены Андреевны Одинцовой, Ириной:
<https://ls.mapofmemory.org/document/d1dfooae444beb876e243f92b3663f3f#time=00:06:51>

Автобиография Лидии Чуковской: <https://www.chukfamily.ru/lidia/about-3>

Воспоминания Александры Иосифовны Любарской «За тюремной стеной»:
<https://visz.nlr.ru/person/show/1558634>

Список источников, использованных при формировании экскурсии и блока дополнительных материалов

Последний адрес – <https://www.poslednyadres.ru/>

Открытый список – <https://ru.openlist.wiki/>

Возвращенные имена – <https://visz.nlr.ru/>

Электронный архив Фонда Иофе – <https://arch2.iofe.center/>

Проект Фонда Иофе “Люди и судьбы” – <https://ls.mapofmemory.org/#>

Мемориальное кладбище Сандармох – <https://sand.mapofmemory.org/>

Проект о семье Чуковских Chukfamily – <http://www.chukfamily.ru/>

Наши контакты

Мы будем рады получить отзывы и услышать предложения, а также готовы узнать ваши истории, связанные с периодом репрессий в СССР.

Чтобы связаться с нами, можно написать Ане в телеграмме:
<https://t.me/Zaitcevaanna>